Евгений Рашковский

«Критическая интроспекция, возникшая и продолжающая возникать в глубине христианского духовного опыта, всегда питала и питает науку»

Eugene Rashkovsky — Director, Center for Religious and Russian Emigré Literature, M. Rudomino Russian Library of Foreign Literature, Moscow, Russia. rashkov@rambler.ru

Eugene Rashkovsky is mostly known for his studies in history of culture, comparative study of civilizations, historiography and history of science. In his interview to the Journal E. Rashkovsky speaks about the interaction between religion and science, which he understands as being a relationship of «conflicting complementarity». He believes that Christianity played an important stimulating role in the genesis of Western science.

Keywords: science and religion, Christianity, scientific revolution, science studies, history of science.

Евгений Борисович, здравствуйте. Первой мой вопрос будет предельно общим — каким Вы себе представляете соотношение науки и религии? Неизбежен ли конфликт между ними, могут ли они достичь взаимопонимания или хотя бы не враждовать друг с другом, например, путем разграничения сфер их интересов?

Евгений Рашковский. Когда в течении многих и многих веков ставится такой жгучий и злободневный вопрос о соотношении науки и религии, то в общественной жизни и мысли, в философской мысли, в публицистике, в толпе действуют, на мой взгляд, два основных заблуждения: первое заблуждение связано с категорическим, абсолютным противопоставлением науки и религии, а второе заблуждение связано с абсолютным отождествлением науки и религии. Вот такое, скажем, абсолютное отождествление я часто встречал, например, занимаясь историей зарождения на-

уковедения в исламском мире. На мой же взгляд, соотношение между ними совершенно другое.

Между наукой и религией существует некая конфликтная, «боровская» взаимодополнительность. Кстати, может быть, не только квантовая физика или же учение о функциональной асимметрии человеческого головного мозга открывает новый подход к этой проблеме, но также изучение традиционной философии Древнего Дальнего Востока с его конфликтной и в тоже самое время гармоничной взаимодополнительностью таких бытийственных начал, как Инь и Ян. Так вот, эта конфликтная взаимодополнительность коренится в очень важных, определяющих структурах и смыслах человеческого мышления. И наука, и религия, должно быть, суть две несхожие, но не живущие одна без другой формы человеческой интеллектуальности.

В основе науки лежит необходимость для человеческой жизни и мышления обосновать существование объективного мира через законы самого́ мышления, конечно, подкрепленные экспериментальным наблюдением; а наш мыслительный дар суммирует, упорядочивает и обобщает эти наблюдения. У религии же, как у качественно иной формы человеческой интеллектуальности, иная природа. Религия связана с вековечной потребностью человека проникнуть во внутреннее символическое пространство, которое образует непреложный контекст и внутренней жизни человека, и общения между людьми, и самого присутствия человека во Вселенной. Может быть, несколько механистично об этом пространстве повествовал Карл Густав Юнг в своем учении об архетипах.

Хотя я думаю, у нас в России есть более глубокий подход к этой проблеме, который я связываю с наследием российского философа Якова Эммануиловича Голосовкера, с его учением о смыслоóбразах. Если у Юнга архетипы, эти какие-то базовые символические «единицы» внутреннего пространства человека, крутят и вертят человеком как хотят, то у Голосовкера очень важна осмысленная, внутренняя творческая свобода человека по отношению к этим «единицам»-смыслоóбразам.

За этой конфликтной взаимодополнительностью стоят какие-то базовые, основополагающие структуры онтологии человека или, если угодно, философско-антро-

пологической реальности, потому что объективный мир, в котором заинтересован каждый из нас, и интимная человеческая субъективность всё же не размениваются друг в друга. В тоже время в культуре, в психологии, в мышлении, в самоосуществлении человека они, как бы, не живут друг без друга. Скорее, они находятся в творческом и диалектическом противоречии, хотя, чтобы понять это обстоятельство, думаю, нужно съесть пуд интеллектуальной и жизненной соли.

Так вот, одной из исторических бед было и является популистское злоупотребление диполем объективной интеллектуальности и субъективной религиозности. У людей моего поколения очень свежа эта память, многие из нас испытали на себе свирепые антирелигиозные гонения со стороны коммунистического, атеистического режима. Сейчас, я боюсь, и в исламском мире и — в гораздо меньшей степени — в православном мире, да я думаю и в других мирах, идет гальванизация инквизиторского гонения на человеческий интеллект.

В частности, эти гонения направлены против права интеллекта на перекосы: ведь творческие люди всегда «загибщики». Они всегда платят за новые открытия — и в науке, и в искусстве, и может, даже в социальном творчестве, — всегда платят перекосами, как платили и Маркс, и Фрейд, и Николай Вавилов, и многие другие замечательные люди.

Какой же урок для нас несет описанный мной диполь объективной научности, которая легко превращается в популистский атеизм, и субъективной религиозности, которая, институционализируясь, легко превращается в инквизиторские гонения? Я думаю, что здесь очень многое зависит от самодисциплины, а также культуры, гуманности наиболее развитой части интеллигенции и духовенства. Тем, кто в основу своей жизни кладет не конъюнктурные интересы и не самовозвеличивание (помните, как Станиславский говорил — любите искусство, а не себя в искусстве), я бы сказал — любите истину, а не себя в правдоискании. По-видимому, люди, любящие истину, а не собственные скоропортящиеся амбиции, должны нести и в наше гражданское общество, и в нашу государственную среду идею уважительного отношения друг к другу и понимания своеобразия как самого себя, так и другого человека.

Существует мнение, что наука — уникальное европейское явление, сформировавшее основы западной культуры эпохи модерна и повлиявшее на окружающий Европу мир. Согласны ли Вы с этой точкой зрения и, если да, то чем бы Вы объяснили такую специфику?

Все-таки, если говорить о научной революции, то первая научная революция, по видимости, связана с созданием начал автономной рациональной науки. Пиама Павловна Гайденко связывает такое создание с именами Птолемея, Евклида, Гиппократа.

Серьезная и социально необратимая научная революция, конечно, связана, прежде всего, с периодом европейской истории после Возрождения, и здесь лично для меня одна из ключевых фигур — это Декарт с его *cogito*, то есть идеей самонаблюдающего мышления, лежащего в основе научного и философского дискурсов. Сейчас, правда, я все больше и больше удивляюсь и просто развожу руками, сколь зависимо декартово *cogito* от предшествующей католической культурной традиции, и, прежде всего, от размышлений св. Августина над своим религиозным опытом. Не будь этого религиозного самопознания, религиозной *cogitatio* Августина, католический выученик Декарт просто не сформировал бы свое *cogito*. И не случайно Декарт, когда сформулировал великую максиму «мыслю, следовательно, я есмь» (не «существую»", как у нас переводят, а именно «есмь»!), — максиму о том, что мышление — это удостоверение бытия и моей причастности бытию, он всю ночь, как рассказывают, простоял на коленях перед статуей Девы Марии.

Так что все-таки настоящие научные революции, а не частные научные открытия, связаны с самопознанием науки, и вот это самопознание науки исторически теснейшим образом связывалось с опытом христианской критической интроспекции, коренящейся и в патристике, и в культуре христианской исповеди, и даже в опыте Литургии.

Специальный номер нашего журнала посвящен по преимуществу «западной» научной традиции. Вы написали несколько книг о науковедении на Востоке. Можно ли говорить о какой-то восточной, или, например, российской научной специфике?

Для меня особо наглядна и важна проблема российского соучастия в, извините, евро-атлантическом творческом мире. Например, если говорить сейчас о нынешней многозначной электронной и информационной революции, мне кажется, что россияне в ней сыграли не последнюю роль, потому что, скажем, идея комбинаторики идей и вещей давно занимала российских ученых. Без этой поразительной интуиции трудно представить себе периодическую систему элементов Менделеева, закон гомологических рядов Вавилова, труды современной лингвистики и семиотики, основанные на идеях Якобсона, Эйхенбаума, Шкловского, Лотмана. А сколько российские мигранты от Сикорского и Муромцева до нынешних создателей компьютерных сетей или теории газовых турбин сотворили в США!

При этом надо иметь в виду, что российская культура, послепетровская, творческая, — это хотя и своеобразная, но неотъемлемая часть культуры европейской. Не случайно для Эйнштейна самыми важными вненаучными стимулами его физического мышления были, во-первых, музыка Моцарта и, во-вторых, проза Достоевского. Я не хочу, конечно, разводить российскую гордыню, я лишь благодарю судьбу за то, что я соотечественник Вл. Соловьева и Достоевского, за то, что я младший современник Лотмана и Сахарова, и почти ровесник — 5 лет разницы — отца Александра Меня, который так много сделал для уяснения тех проблем, о которых я говорил только что.

(Вообще, замечу в скобках, конфликт между инновационным и творческим характером послепетровский российской культуры и авторитарным характером российской социальности красной, кровавой нитью, «красным колесом» проходит сквозь нашу историю...).

Сейчас очень многое делают для современной науки народы Дальнего Востока и Индии, но без евро-американо-российского наследия и интеллектуального стимула я не представляю себе эти успехи. Другое дело, что этот стимул попал на почву очень талантливых народов Южной Азии и Дальнего Востока. И любопытно, что они не отбросили свое наследие, а вступили с Европой в какой-то творческий синтез; не случайно же Гейзенберг в одной из своих лекций говорил, что основы квантовой механики воспринимают легче японские студенты, нежели европейские, ибо

у студентов-дальневосточников есть идея взаимной дополнительности космических стихий Инь и Ян.

Если же говорить в историко-научном, или историко-науковедческом плане, то и Россия, и Польша, и славянский мир в целом много сделали и для науки и для науковедения. Славянский мир — часть евроатлантического духовного ареала, христианского или, если угодно, постхристианского. Как я уже говорил, и христианская культура, и интроспекция во многом создала ту науку, которая исходит не только из объективного мира или из наших представлений об объективном мире, но и из осознанного соотнесения познающего субъекта с объективным миром. Вот это — коронка, стержень всей обсуждаемой нами проблематики.

При этом я не хочу принижать достижения народов Древнего Востока и Греции. Многие историки науки подмечали, что эллинская наука возникла на стыках египетского и вавилонского математического и производственного эмпиризма и свободной философской мысли греков. Но я еще раз повторяю, что этот картезианский, христианский момент в науке очень важен и, я боюсь, что такая стремительная дехристианизация европейских, евро-американо-российских голов и сердец, которую я сейчас наблюдаю, потом больно ударит по науке. Потому что критическая интроспекция, возникшая и продолжающая возникать в глубине христианского духовного опыта, всегда питала и питает науку.

Вы говорите, что религия сыграла положительную роль в становлении западной науки. Однако, начиная примерно с 1970-х годов, западную науку многие исследователи критикуют за ее техницизм, авторитарность и неоправданные претензии на обладание истиной. При этом зачастую они критикуют именно христианские истоки науки, например, говорят, что именно христианство, сформировавшее определенное отношение к природе, несет ответственность за экологические проблемы современности. Как бы Вы могли объяснить такие критические оценки?

Хорошо быть крепкими задним умом, да к тому же еще питаясь поверхностными обобщениями...

В последние годы я немного отстал от науковедческой проблематики, переключившись на проблематику религио-

ведческую, но должен сказать следующее. В 1970–1990-е годы мне пришлось столкнуться с целым потоком разоблачительной литературы на этот счет и, я думаю, что в ней очень много конъюнктурного. Я понимаю, конечно, что история христианских народов не идиллична, но где вообще вы видели идилличные истории?

Надо иметь в виду, что еще наш великий философ Петр Яковлевич Чаадаев в качестве важнейшей компоненты истории Запада выделил удивительный и очень драматический азарт увлеченности идеями. Мир идей, впрочем, это и со времен Платона и Библии, для европейцев был не менее реален, чем, скажем, мир управления государством для Китая или мир духовных медитаций для Индии. То, что люди Европы могли ради этого мира идей пить чашу с цикутой, восходить на крест или на костер, идти в тюрьмы и лагеря — очень важная часть европейского развития. И российского тоже, ведь тихий героизм многих советско-российских ученых (физиков, кибернетиков, биологов, генетиков, медиков, историков, филологов, искусствоведов, богословов), героизм вопреки массированным репрессиям, нищете и травле — известная особенность нашей истории.

Поэтому, наверное, как я уже отмечал, без «загибов» ни творчества, ни творческих порывов — нравится нам это или нет — не бывает. Ибо новые смыслы не могут подстраиваться к устоявшимся воззрениям и институтам. Но, может быть, само более глубокое, а не публицистически поверхностное, проникновение в историю науки и, в частности, в вечно недосказанные религиозные предпосылки научного творчества (благоговение, признательность, сострадание, недовольство собой) еще сослужит свою службу для дела ее гуманизации.

Беседовал В. Раздъяконов